

И Д Е Я

Спрос рождает предложение

Моск. новости — 1999 — 10-17 янв. — с. 25

**Страсти по обустройству
Лубянской площади (б. Дзержинского)
не утихают. Свое решение
вопроса предлагает
писатель Георгий ВЛАДИМОВ**

Exegi monumentum...
Horatius
Я памятник воздвиг...
А.С. Пушкин

Р еанимировать сталинский ГУЛАГ не предполагается, тут затвержено — «к прошлому возврата нет», но нужно же что-то делать с ужасающей тотальной преступностью, так вот, думский депутат Харитонов, из «крестьян», внес предложение — ничуть не странное, с некоторых пор ожидаемое — восстановить памятник Дзержинскому на Лубянке. Пусть Феликс Эдмундович видом своим устрашит потенциального злоумышленника, чтоб никому неповадно было думать о безнаказанности, — идея простодушная, но все же не кровавая.

Однако ж, как в анекдоте про Рабиновича, всегда кто-нибудь все ополит. Бесплотную идею г-на Харитонина наполнил должным содержанием председатель Селезнев — призвал возродить каторгу, да такую, чтоб наказанный смерти возжаждал как извращения. Жестокий прокуратор Думы, к сожалению, не пояснил, из кого составится контингент тех мест отдаленных, а ведь как было бы эффективно, чтоб пионерами освоения выступили убийцы о. Меня, Холодова, Листьева, Старовойтовой. Впрочем, оба думца показали, что они на тройку знают диалектику: нельзя дважды в одну реку войти, — а коммунист-спикер и Ленина плохо читал: не так действенна тяжесть наказания, как его неотвратимость (ну, правда, и за тяжестью дело не стояло). И никогда его каторга не сравнится со сталинской — где столько вертухаев набрать, чтоб служили со рвением, да считали бы искренне своих подопечных «врагами народа» и на предложенную взятку отвечали кулаком в рыло, а то и пулей, и откуда такую веру взять, парализующую всякий протест, что «органы не ошибаются» (это насчет соседа) и «органы разберутся» (это насчет себя)? И еще — где деньги взять, чтоб выстроить то, что строилось энтузиазмом и недюжинными талантами таких деятелей, как Эдуард Берзин или Нафталий Френкель? А предсмертное письмо Николая Ивановича Ежова чего стоит! Карлик-то карлик, но ведь и личность была!

Надежда Харитонина на идола-устрашителя столь же простодушна, сколь и пуста — не вернуть уже того Дзержинского. Непостижимым образом памятник выражает тот дух и то настроение, с какими он был воздвигнут. Все же Вучетич был профессионал и тогдашний соцказак выполнил на пять с плюсом. Тот Дзержинский был же не просто — гвоздящая дубина, пролетарская диктатура-дура, но страсть, но

исступление, изнутри сжигающая вера — и готовность все отдать, и саму жизнь, на благо трудящегося человечества; он даже с некоторой брезгливостью взирал на брежневскую хлопаящую трясину, и на строгом его лице можно было прочесть: «Не знаю, не знаю, что у вас тут происходит, а с нашей стороны ошибок не было, мы все сделали, как надо». Теперь нам надлежит что-то другое прочесть. Свергнутый и теперь возвращенный, он уже будет как-то злее, что ли, мстительнее как-то, грозные проблески засверкают в очах: что, мол, съели? обрадовались, что меня нет? Словом, будет монумент-угроза — и только, вроде как памятник топоры или нагайки.

Но кому же Феликс Эдмундович грозить станет? Как известно, замки и запоры применяются в основном от людей честных, воры эти полезные устройства игнорируют. Равно и запрет на оружие — кто хотел бы защититься, тому его иметь нельзя, можно только киллерам. Вот и Дзержинский будет смотреть с гневом и угрозой на тех людей, которые не разворачивают державу, не грабят, а работают, не получая зарплат, и стараются как-то выкрутиться, выжить. Тем же, кто поступает наоборот, и не нужно напоминать о неизбежном наказании, они про это не забывают — и поэтому избегают успешно. Каторгу г-на Селезнева они тоже на ус намотали — и ни за что туда не попадут. Зато сам г-н Селезнев шагнул прямоком в бессмертие: наш подхвативший народ вдруг да свяжет его «нововведение» с его же именем, как произошло со «столыпинским галстуком». И можно себе представить разговор двух зеков на пересылке, которым попросту не повезло, не хватило баксов откупиться:

— Сколько ж тебе отвалили?

— Пятнадцать селезневки и пять порога.

Вместе с тем оба предприимчивых думца тонко (и справедливо) ощущают пустоту на лубянском холме, оставшуюся после «железного Феликса». Это как щербина, напоминающая о выбитом зубе. По мере того как для нас перестало быть удовольствием бряцать военной мощью и созерцать лики вождей, подверженных, увы, старению, не столь прелестному, как стареют София Лорен или Джина Лоллобриджида, и стали

поговаривать о выносе дорогих останков и сносе некоторых шедевров, да притом оставили Ильича без почетной стражи, Красная площадь утратила свое назначение пуга Земли, она теперь площадь-кладбище, место гуляний, ну и еще затертая визитная карточка великой, но, к сожалению, не существующей державы. Кажется, последним, кто счел ее главной, был Матиас Руст, на том и зиждился дерзновенный замысел его полета. В дни Августа не на Красную повалила революционная толпа, а на Лубянку. С утратой Манежной площади уже бесспорно Лубянка — эта круглая развязка автомобильных потоков — сделалась и архитектурным центром Москвы, и главным нашим ристалищем, нашей площадью Несогласия — а оно и должно быть в нормальном обществе; как справедливо заметил товарищ Сталин, полное единодушие бывает только на кладбище. И облеченные властью чувствуют верно — тут позарез нужно что-то воткнуть. Чтoб люди помнили. Чтoб прониклись. Чтoб они не очень-то. А то, понимаешь...

Понимаем, что это место — ничто без памятника или черт знает что, какой-то невнятный бугор. Но после того, как на нем столько лет стоял Дзержинский, законно для своего времени и для этого места, нельзя здесь ничего поставить ни великому политику или общественному деятелю, ни полководцу, ни классику литературы. Если воздвигнуть, допустим, бронзового Сахарова или чутунного Солженицына, все будет неизбежно — ввиду известного билдинга — отдавать фальшью, благорастворением воздуха, душевным альянсом, которого не было и не могло быть. Вот чего не учел президент, когда назначил днем примирения и согласия 7 ноября — день переворота нашей исторической судьбы. Ничем иным, как памятью о великой ошибке, занять этот день нельзя. Ни днем благодарения и лобзаний, ни даже просто отдыха пред надвигающейся зимой не объявить. Назови он любой другой день, и, пожалуй, не было бы возражений.

Так что же нам тут воткнуть? То есть, говоря по-интеллигентному, водрузить, воздвигнуть? Импортный из Болгарии солдат Алеша, которого предложено сюда поставить в знак того же примирения-согласия, — вообще не для Москвы. Полагается столице покоить и чествовать одного Неизвестного солдата, который олицетворяет всех павших на войне. Алеша тоже олицетворял, но — там, в Софии, здесь — он будет соперничать с

тем безымянным, кто похоронен в Александровском саду, будет оспаривать ту Могилу. Он, правда, не безымянный, он Алеша, но это болгары ему подобрали имя, которое посчитали отличительно русским, Иваны и Петры у них у самих есть. Аллегория не должна вносить путаницу и генерировать суетные размышления — который из двоих неизвестнее и, стало быть, «репрезентативней»? тот, кто стоит, или кто лежит? а может, это один и тот же?

Живописцы Комар и Меламид предложили восстановить Дзержинского, но вместе с парнем, взобравшимся ему на плечи, чтоб запасовать вокруг его шеи и под мышкой таежные тросы. Предложение остроумное, но, сдается мне, ущербное. В этом сюжете главное было не Феликс Эдмундович и не тот парень, а людская толпа, запрудившая Лубянку в исторический вечер; она была не просто зрителем, но действующим лицом, делегировавшим парня на вершину своим полномочным исполнителем. Запечатленный отдельно от нее, кем он будет смотреться — низвергаемым «железного Феликса» или засвеченным похитителем 14 тонн дефицитной бронзы? Понадобится многословное объяснение, как на памятнике «Стерегущему» в Питере, где два матроса то ли открывают, то ли закрывают, спасаясь от хлынувшей воды, как юный иллюминатор, — кингстон же совсем иначе выглядит. Но к «Стерегущему» можно хоть подойти и прочесть, к изданию Комара и Меламиды — будет опасно для жизни.

Желая внести посильный вклад в решение головоломной проблемы, предлагаю воздвигнуть памятник — герою моей повести, верному Руслану. Впрочем, не обязательно под этой кличкой или какой другой, это он для меня Руслан, а для всех пусть будет некий обобщенный пес, но видом не оставляющий сомнений в принадлежности к известной Службе.

В идее такого памятника нет ничего дикийного. В разных странах люди постарались как-то воздать благодарностью нашим четвероногим друзьям, вложившим свой камешек в здание цивилизации, — кошке, собаке, лошади. У некоторых народов они почитаются как животные священные. Кошка, найдя себе упоительное занятие в ловле амбарных мышей, спасла основу нашего пропитания — хлеб; лошадь — хотя все меньше сопровождает человека в боях и трудах, зато все больше в

спорте, в путешествиях и иных радостях жизни, охотно — в металлическом исполнении — подставляет хребет знаменитому воюке, да и в гербе Москвы она присутствует. Собаке, помимо многих ее обязанностей — от пастьбы стад до космических полетов, — еще выпала роль неприглядная, двусмысленная: послужить насилию человека над человеком. В таких слу-

чаях присяжные выносят промежуточный вердикт: «Виновен, но заслуживает снисхождения». Руслан — друг человека, ставший врагом не по злому умыслу, но из любви и верности, не заслуживает ли воплотиться в монументе?

Я не думаю, что будут слишком сильные возражения славных чекистов, коим предстоит созерцать это чудище из окон. Лучшие люди из этого ведомства, т. н. «истинные чекисты», которым посчастливилось не преступить ни буквочки закона (признаем, скрепя сердце, что и такие были и, наверно, есть) и которые также хотели бы участвовать во всеобщем покаянии, должны же усвоить, что покаяние никогда не может считаться законченным. Для иначе настроенных он будет, как-никак, символизировать верность их суровой и высокоценной Службе. Отнюдь не мстительный узник ГУЛАГа, Андрей Синявский писал в статье «Люди и звери»: «Нет, на месте чекистов я был бы доволен, я был бы счастлив от повести «Верный Руслан». Тевтонские «псы-рыцари» не видели урона своей чести от этого названия и образа. Да ведь, помнится, и Феликс Эдмундович как-то назвал себя «сторожевым псом Революции». Что же до бывших зеков, караульный пес на пьедестале не больше их покоробит, чем Соловецкий камень, который они сами тогда приволокли и поставили, — вечным напоминанием об их раздавленных судьбах. Как и этот камень, статуя пса-рыцаря свяжет воедино обе эпохи — ту, канувшую (понадемся) в невозвратимость, и новейшую, когда такой памятник стал возможен. То есть когда и бить стали полегче, и поплакать разрешили.

Как это будет выглядеть в натуре, можно представить в разных вариантах: Руслан, летящий в прыжке по команде «Фас!», — технически возможное решение, — или рвущий поводок из рук хозяина, парная композиция, но с учетом того, что хозяин по штатному расписанию — «проводник служебной собаки», она тут, стало быть, главнее; или, наконец, спокойно лежащий, свесив лапу и оглядывая без грусти потоки машин, развозящих по каким-то муравьиным делам забывчивое человечество. В комплексе — или в контексте — с главным зданием этой площади, да и с ее названием и немеркнувшей славой, он объяснений не потребует. По крайности, можно написать — в обрамляющем венке из колючей проволоки: «Служил ты недолго, но честно...» Или еще что-нибудь трогательное.

Но я уже вторгаюсь в область, в которой не совсем компетентен, а подвластную таким замечательным скульпторам, как Эрнст Неизвестный или Михаил Шемякин. В обсуждении этого проекта, буде оно состоится, и не предполагается мое участие. Что я мог сказать по этому поводу, сказано иными средствами, и мне прибавить нечего.

Остается, правда, вопрос: каким же образом этот монумент поспособствует снижению преступности? Но тут уж — чего не знаю, того не знаю.

